
ПУТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД В КАЗАХСТАНЕ И КЫРГЫЗСТАНЕ

С. А. Султанов

Как известно, понятие гражданского общества связано с антитетическими традициями либерализма и марксизма. В западных странах процесс формирования гражданского общества длился несколько столетий. И только на основе развитого гражданского общества в развитых западных странах, в той или иной степени, сформировались правовые государства. Мировой опыт показывает, что демократия особенно прочна и эффективна там, где сложилась развитая система институтов гражданского общества, имеющая чётко зафиксированные каналы представительства интересов в органах государственной власти. Она способствует развитию и сохранению отношений социального и политического партнёрства, убеждённости в справедливости распределения власти и ответственности.

В свою очередь, убеждённость граждан в справедливости властных отношений рождается только тогда, когда объективно учитываются их интересы, когда они получают от власти своевременную поддержку и помощь. Ведь человек как личность стремится к свободе и реализации своих прав, но как существо общественное человек не может жить вне общества, и особенно вне государства, а значит реализация его естественных прав тесно связана с функциями государства. Гражданское общество подразумевает добровольную передачу личностью своих прав, - государству, с одной стороны, а с другой – ограничение государственной власти в интересах реализации своих гражданских свобод. Главное условие состоятельности гражданского общества – добровольность и взаимность подобного договора между гражданами и государством.

Таким образом, «демократия имеет объективные преимущества благодаря созданию политических условий развития институтов гражданского общества и обеспечению высокой степени институциональной зависимости государства от общества. Поэтому, чем более развито само общество и чем лучше действуют механизмы его саморегулирования и самоорганизации, тем надёжнее и эффективнее эта институциональная зависимость. Существование развитой системы институтов гражданского общества служит как важным показателем степени его самоорганизации, так и является одним из условий становления эффективной системы взаимозависимости между обществом и государством» /1/.

В классическом понимании гражданское общество ещё не воспринималось как отдельная от государства сфера. Гражданское общество приравнивалось ко всему политическому, в отличие от царства природы. Например, Дж. Локк писал: «Для правильного понимания политической власти и определения источника её возникновения мы должны рассмотреть, в каком естественном состоянии находятся все люди, а это – «состояние полной свободы» в отношении их действий и в отношении распоряжения своим имуществом и личностью в соответствии с тем, что они считают подходящим для себя в границах закона природы, не спрашивая разрешения у какого – либо другого лица и не завися от чьей-либо воли. Это также «состояние равенства», при котором вся власть и вся юрисдикция являются взаимными, – никто не имеет больше другого» /2/.

Здесь мы имеем дело с очевидным расхождением фактического и нормативного. Как показывает исторический опыт – и древний, и новейший, в естественном состоянии царят не справедливость и достоинство людей, а право сильного. Например, современная действительность в Казахстане и Кыргызстане показывает, что ослабление государственно-правового регулирования, с одной стороны, и нравственного регулирования со стороны мобилизованного общественного мнения, с другой стороны, ведёт в обществе к упадку культуры и насилию, к перманентному нарушению принципов нравственности и человечности. «Поэтому очевидно, - пишет Панарин – что принцип естественного состояния имеет сугубо нормативный смысл: он является тем идеальным допущением, без которого нельзя обосновать личности перед лицом общества и её гражданское достоинство» /3/. Как только мы смотрим реально, то сразу же попадаем в поле неопровержимых аргументов социального и государственного патернализма: если человек по природе слаб и склонен к нарушениям морально-правовых норм, то следует признать прерогативы высших инстанций, призванных воспитывать и опекать его. Отсюда мы видим, что «раннебуржуазная философия права от Локка до Канта упорно настаивает на том, что в разумном устроенном обществе любым государственным запретам, требованиям и советам должно предшествовать первоначальное признание – дозволение. Суть его в том, что каждый член общества принимается за интеллектуально (а потому и граждански, и нравственно) совершеннолетнее существо, которое не нуждается в чужой подсказке при определении того, что для него желательно, выгодно и ценно» /4/.

Либеральное направление разделения государства и гражданского общества, доминирующее в современной политической мысли, сложилось во второй половине XVIII века – в гуще рыночных отношений, где речь шла о третьем сословии – буржуазном классе, профессионально

связанном с рыночными отношениями партнёрского обмена, т. е. обмена равных, при котором ни одна из сторон не может рассчитывать на уступки и бесплатные услуги другой стороны. В это время также закладывались основы будущих современных западноевропейских государств.

Нормативное допущение, ставшее основой западных демократий, отражало социальное мироощущение и статус одного определённого сословия – третьего (т.е. буржуазного), которое Запад демонстрирует и пропагандирует в качестве «естественной» нормы, и где роль государства минимальна – лишь обеспечить рамки правил защиты жизни, свободы и собственности его граждан. А если рассматривать исторический опыт, то западному человеку было трудно и проблематично сделать свой выбор. С одной стороны, проблема состояла в том, чтобы прекратить нескончаемые гражданские распри и войны ценой уступки местных и личных прав и свобод деспотически-централизованному государству, способному навести мир и порядок. С другой стороны, проблема была в том, чтобы избежать злоупотреблений самого этого государства в виде неконтролируемого политического посягательства на жизнь граждан, на его личное благополучие и достоинство.

Нелёгкий выбор был сделан в пользу принципа индивидуального блага, отстаиваемого третьим сословием. Как мы знаем, аналогичный выбор пришлось принимать элитам и гражданам бывшего СССР, которые пережили опыт тоталитаризма и авторитаризма и впервые за свою историю, ощутили, что у них появился выбор. Они выбрали индивидуальный принцип, пожертвовав коллективным, т.е. чисто механически переняли западный тип демократии, при этом не учитывая ценности, традиции и менталитет самого народа.

Природа же казахов и кыргызов, в основном идентична и основана на принципах кочевой цивилизации, которая естественным образом обеспечивала этнобиологическую, этнокультурную, в целом духовную ценность народа, и определялась в глубинах общественного сознания скорее, как тенгрианско-зороастрийская, философско-поэтическая эстетика кочевья. Это говорит о том, что общество, как в Казахстане, так и в Кыргызстане, не являются прагматичным и индивидуалистическим, как в Западной Европе или США, вместе с тем, оно не является и фамилистическим, как в странах Юго-Восточной Азии и Китая. Общество не является ни мусульманским, в подлинном арабском смысле этого слова, ни полностью атеистическим обществом, и проблемы секуляризации перед народами Казахстана и Кыргызстана не стоят, как не стоят и проблемы растущей религиозности казахов и кыргызов.

Последние складывались из самой сути кочевой жизни, а именно из характера и силы, влияющих на сознание семьи и рода, природ-

ных явлений, обуславливая по существу пантеистический и политеистический, т.е. жизнерадостный и жизнелюбивый характер верований номадов, их религии. Отсюда, как следствие выбора западной модели демократии (т.е. упор на индивидуальные ценности), граждане Казахстана и Кыргызстана, столкнулись с издержками социально-безразличного и безответственного государства, предоставившего социально незащищённых их собственной судьбе, а также с издержками безграничного социал-дарвинизма и естественного состояния, в котором доминируют сильные и беспринципные.

В западной современной демократии есть и основной парадокс, который предполагает неполитический образ поведения для большинства граждан и поэтому называющийся – представительским. Например, классическая античная демократия Древней Греции была демократией участия, которая реально объединяла граждан полиса, сообща участвующих в решении основных вопросов жизни своего города-государства. Отсюда – различие между реальной демократией античных республик, в которых политика означала совместное ведение общественных дел, и формальной демократией современных западных обществ, которую чётко обозначил французский политический мыслитель Бенджамен Констан (1767-1830 гг.)

В своей знаменитой работе «О свободе у древних в сравнении со свободой у современных людей» Б. Констан подчёркивал, что в понятие «свобода» житель современного Запада вкладывает «право каждого подчиняться одним только законам, не быть подвергнутым ни дурному отношению, ни аресту, ни заключению, ни смертной казни вследствие произвола...

Это право каждого высказывать своё мнение, выбирать себе дело и заниматься им; распоряжаться своей собственностью, даже злоупотреблять ею; не спрашивать разрешение для своих передвижений и не отчитываться ни перед кем в мотивах своих поступков» /5/. То есть речь здесь идёт преимущественно об отрицательной свободе – о защите от произвола властей и гарантиях личности. Эта свобода не конкретизируется в повседневных общественных практиках, в участии в принятии решений. Другое дело – свобода у древних. Здесь граждане действительно вели политический образ жизни, т.е. повседневно участвовали в решении дел, связанных с общественным управлением, с вопросами коллективного блага.

Таким образом, мы видим, что речь идёт о выборе: либо устанавливаем полную свободу частной жизни ценой утраты своего личного участия в решении общественных дел, передоверенных нами определённым лицам-профессионалам – политикам, либо сами непосредственно решаем общие коллективные вопросы. Но тогда у нас уже не будет времени и даже права на частную жизнь.

Об этом со всей определённой пишет Б. Констан: «У древних индивид, почти суверенный в общественных делах, остаётся рабом в частной жизни. Как гражданин, он решает вопросы войны и мира; как частное лицо, он всегда под наблюдением, ограничивается и подавляется во всех своих побуждениях; как частица коллективного организма, он вопрошает, осуждает, разоблачает, изгоняет в ссылку или предаёт смерти своих магистратов или начальников, но, будучи подчинённым коллективному организму, он в свою очередь, мог быть лишён положения, достоинства, проклят или умерщвлён произволом сообщества, частицей которого он является. У наших современников, напротив, независимый в частной жизни индивид суверен в политике лишь по видимости даже в самых свободных государствах... Мы не можем более следовать античному типу свободы, состоявшему в деятельном и постоянном участии в коллективной реализации власти. Наша свобода должна заключаться в мирном пользовании личной независимостью... Целью древних было разделение общественной власти между всеми гражданами страны. Это – то они и называли свободой. Цель наших современников – безопасность частной сферы; и они называют свободой гарантии, создаваемые общественными институтами в этих целях» /5, С. 98/.

Как известно из семидесятилетнего советского прошлого, марксистская традиция не считала гражданское общество сферой свободы индивидов, а рассматривало его как пронизанное классовым неравенством и конфликтующим. Маркс в рамках базиса и надстройки понимает гражданское общество как основу экономических отношений по логике капиталистической эксплуатации, где классовое неравенство – квинтэссенция этой сферы. Несмотря на различия, либеральная и марксистская традиции жёстко привязывают гражданское общество к рыночной экономике. В либерализме и марксизме важна посылка, что собственность – базис современного гражданского общества. Гражданин, в сущности – частный индивид с набором частных прав на свободу, частную жизнь и собственность.

В результате категория «буржуазное» стремится занять место гражданина. Это видно, например, из цитат Хабермаса: «Для частного лица не было разрыва между человеком и гражданином, покуда, человек одновременно был владельцем частной собственности, который как гражданин должен защищать стабильность строя собственности, как частной. Классовый интерес был основой общественного мнения» /6/. И цитата Маркса: «Заметим, прежде всего, что так называемые права человека... - лишь права члена гражданского общества, т.е. эгоистичного человека, отделённого от других людей и от общества..., ушедшего в себя целиком озабоченного своим частным интересом» /7/.

Для либералов, гражданин – частное лицо, собственник. Его цель – защита строя частной собственности. Для марксистов член гражданского общества, по сути, – эгоистичное частное лицо. Как мы знаем, институционально понятое гражданское общество подразумевает наличие свободных ассоциаций и организованной политической жизни сообщества граждан. Сам по себе рынок не равнозначен гражданскому обществу, но вероятно обеспечивает социально-экономическую инфраструктуру автономной сети ассоциаций граждан, достаточно сильной, чтобы противостоять государству.

Марксистский тезис тесно связывает государство и гражданское общество. По Гегелю же, вмешательство государства легитимно, если оно исправляет несправедливости и неравенства в гражданском обществе и защищает интересы народа. Однако, эти оправдания дают право государству вмешиваться в дела гражданского общества, тем самым подрывая независимость его и гарантирующую свободу его членов. У Маркса и Энгельса, государство – инструмент буржуазного гражданского общества, классового неравенства, установленного законным институтом гражданских прав: «Право, закон и т.д. лишь симптомы, выражение других отношений, на которых стоит власть Государства» /8/.

Здесь закон о праве на равенство, безопасность, собственность фактически обеспечивает частные интересы, сохраняет структурные неравенства, ведёт к росту эгоизма и неравенства. Маркс и его последователи видят утопическое общество, без государства, где классовое неравенство исчезнет. Однако, подводя государство и гражданское общество под логику экономического детерминизма, марксисты отвергли государство как инструмент социальных перемен, недооценили необходимость института прав человека и полностью упустили из вида политику. Вслед за Гегелем, развивая его, Грамши вернул политику в марксистскую традицию, подчеркнув важность неэкономических сил в жизни общества. В надстройке он различает государство и гражданское общество, как два неэкономических способа господства. Государство – институт политического принуждения; гражданское общество – сфера культурных и идеологических практик, где формируется согласие для управления государством. Гражданское общество – организация активного согласия путём гегемонии: - «Политическая и культурная гегемония, которую социальная группа осуществляет по отношению ко всему обществу, как этический компонент государства» /9/.

Под влиянием Грамши современные марксисты отвергают дихотомию базиса и надстройки, видят в гражданском обществе посредника между государством и экономикой, играющего сложные роли. Марк-

систская теория критична к институтам гражданских и политических прав при капитализме. Но в рамках своего подхода она не видит опасности деспотизма государства по отношению к гражданскому обществу. Логика марксистского экономического детерминизма практически разрушает различие государства и гражданского общества, демократических и недемократических режимов, разных стратегий власти. Более того, гегелевская идеализация высокой этики государства игнорирует деспотизм государства, не оставляя места демократическим практикам гражданского общества.

Как мы отмечали выше, либерализм, более чётко определяет гражданское общество как область вне государства, противостоящего ему. Считая государство органом принуждения и угнетения, либерализм выступает за автономию гражданской сферы вне государства, за самоуправление через органы самопомощи: неформальные институты и социальные образования. В либеральном рационализме гражданское общество переплетено с государством. Большинство теорий либералов выражают веру в то, что гражданское общество эффективно может защищаться от посягательств, правительства, лишь путём законных политических институтов. Считается также, что гражданское общество свободы и равенства без государственных конституционально-институционных гарантий и прав, немислимо. В принципе, либеральная теория гражданского общества содержит онтологию естественного права.

Фактически, естественные права индивидов становятся законно и политически «кодированными» гражданскими правами, проводимыми в жизнь только государством. Именно понятие прав – как статуса или набора конституционных гарантий – обеспечивает связи государства и гражданского общества. Как известно, язык прав изначально – язык юристов, озабоченных защитой частной собственности и политическими отношениями суверена с подданными. Здесь закон как институт защиты прав личности и гражданина главенствует. Как писал Хабермас о раннем гражданском обществе в Западной Европе, «устранение авторитарного произвола посредством законных гарантий, то есть, привязка функций государства к всеобщим нормам, наряду со свободами, кодифицированными системой буржуазного гражданского права, защищало строй «свободного рынка» /6, P.79/.

В развёрнутом виде гражданское общество является сферой и спонтанных действий, прав, и законного порядка, гарантируемого государством. Также либерализм варьирует гражданско-республиканскую концепцию гражданского общества и гражданства, по сравнению с тезисом о сильной оппозиции и тезисом о слабых связях. Например, А. де Токвиль, считает гражданское общество сферой добровольных ассоциа-

ций и местного участия – как буфера от государства. Данная позиция, подчёркивая участие и локализм, игнорирует конфликты, неравенства и авторитарный потенциал самого гражданского общества. Но, ни какой-либо политический режим, не может «поглотить» гражданское общество. Государственная власть может деформировать его, сковать процесс функционирования его элементов, свести к минимуму автономию и самостоятельность индивидов и социальных групп, но не может полностью ликвидировать структуры гражданского общества. С другой стороны, гражданское общество на современном этапе развития не способно подменить государство, а тем более упразднить его, хотя оно может перехватить и узурпировать некоторые функции государства.

Если рассматривать гражданское общество с позиции дальнейшего развития демократии, то о какой именно демократии идёт речь: о представительской, когда нам представлено право что-то решать и кого-то выбирать в день выборов, а в остальное время всё решают за нас, или о демократии участия, в которой мы действительно сами всё решаем?. Ссылки на то, что прямая демократия участия невозможна в современных государствах, неосновательна. Ведь, кроме вопросов действительно решаемых лишь в общенациональном масштабе, существуют – и их подавляющее большинство – относящиеся к нашей повседневности. Именно здесь, мы сплошь и рядом оказываемся в неравном и бесправном положении от государственных структур. Представительская же демократия могла бы действительно удовлетворить нас, если бы было справедливым утверждение атомарно-номиналистического (индивидуального) принципа о том, что только в политике мы ведём общественную жизнь, а в социальной повседневности ведём себя, как суверенные индивиды.

1. *Симтиков Ж.К.* Казахстанские институты гражданского общества а условиях политической модернизации. // САЯСАТ-POLICY №10, 2009. С.32
2. Антология мировой политической мысли. В 5-ти томах. - М.: Прогресс, 1997. –Т.1. - С. 359
3. *Панарин А. С.* Политология. Учебник. – М. ТК Велби, 2004.- С. 44
4. *Соловьёв Э. Ю.* Прошлое толкует нас. - М.: Мысль, 1991. - С.410
5. *Констан Б.* О свободе у древних в её сравнении со свободой у современных людей // Полис. – М., 1993.-№2.- С.98
6. *Habermas J.* The Structural Transformation of the Public Sphere – An Inquiry into a Category of Bourgeois Society Cambridge MA[1962], 1991. - P.87

7. *Marx K.* On the Jewish Question. / A World without Jews. NY., 1959. - P.73

8. *Маркс К., Энгельс Ф.* – Немецкая идеология. М.: Политиздат, 1968.-С.366

9. *Bobbie N.* Gramsci and the Concept of Civil Society \ Civil Society and the State. L., 1998. – P.84-87

Сұлтанов С.А.

Қазақстан мен Қырғызстандағы посткеңестік кезеңде азаматтық қоғам мен мемлекет өзара әрекетінің жолдары

Бұл мақалада Қазақстан мен Қырғызстандағы азаматтық қоғам мен мемлекет арақатынасының мәселелері қаралады. Сонымен қатар, тәуелсіздік алған соң азаматтық қоғам қалыптасуының проблемалары айқындалады.

Sultanov S.A.

The Ways of the Interaction of Establishing of Civil Society and State in Post Soviet Kazakhstan and Kyrgyzstan

This article covers the issues of civil society and state interaction in Kazakhstan and Kyrgyzstan in the period of political institutes formation, it also reveals the mechanism of civil society's evolution in both republics.